

УДК 821.111–31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P39

Winter Renshaw
P.S. I HATE YOU

Copyright © Winter Renshaw, 2018
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency

Реншоу, Уинтер.
P39 **Р.С. I Hate You / Уинтер Реншоу ; [перевод с ан-
глийского М. В. Авдониной]. — Москва : Эксмо,
2020. — 416 с. — (Freedom. Чувственная проза Уи-
нтер Реншоу).**

ISBN 978-5-04-110071-1

От автора бестселлеров «Wall Street Journal» и Amazon.com.

Дорогой Исайя!

Восемь месяцев назад ты был всего лишь солдатом, кото-
рого вот-вот должны были отправить в зону боевых действий.
А я была всего лишь официанткой, которая тайком принесла тебе
бесплатный блинчик и надеялась, что ты не заметишь мой взгляд,
слишком долго задержавшийся на тебе.

Но ты заметил.

Прежде чем ты уехал, мы провели вместе неделю, изменив-
шую все. А на восьмой день, буквально в последнюю минуту,
попрощались и обменялись адресами.

Я сохранила каждое письмо, которое ты прислал мне.

Но несколько месяцев назад ты перестал отвечать, а вчера тебе
хватило наглости прийти в наше кафе и вести себя так, словно
ты никогда в жизни меня не видел.

Подумать только... я почти полюбила тебя и твою прекрасную
сложную душу.

Почти.

В чем бы ни заключалась причина твоего поведения, я наде-
юсь, она достаточно весомая.

Марица-официантка

P.S. Я тебя ненавижу, и на этот раз... я серьезно.

УДК 821.111–31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110071-1

© Авдониная М. В., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Раздумья о том, что могло бы быть,
так же болезненны,
как разбитое сердце.

БРИДЖЕТ ДЕВУ

Для Сэнди Ланг

ПРОЛОГ

Дорогой Исайя.

Восемь месяцев назад ты был всего лишь солдатом, которого вот-вот должны были отправить в зону боевых действий. А я была всего лишь официанткой, которая тайком принесла тебе бесплатный блинчик и надеялась, что ты не заметишь мой взгляд, слишком долго задержавшийся на тебе.

Но ты заметил.

Прежде чем ты уехал, мы провели вместе неделю, изменившую все. А на восьмой день, буквально в последнюю минуту, попрощались и обменялись адресами.

Я сохранила каждое письмо, которое ты прислал мне, твои слова быстро стали для меня священными.

Но несколько месяцев назад ты перестал отвечать, а вчера тебе хватило наглости прийти в наше кафе и вести себя так, словно ты никогда в жизни меня не видел.

Подумать только... я почти полюбила тебя и твою прекрасную сложную душу.

Почти.

В чем бы ни заключалась причина твоего поведения, я надеюсь, она достаточно весомая.

Марица-официантка

P.S. Я тебя ненавижу, и на этот раз... я серьезно.

Глава 1

МАРИЦА

— Добро пожаловать в «Брентвудский блинчик и кофе». Я — Марица, ваша официантка, — приветствую я своего миллионного утреннего посетителя одной и той же заученной речью. Этот черноволосый красавчик с медовыми глазами ждал столика у окна дольше семидесяти минут, хотя, полагаю, по меркам Лос-Анджелеса, это все равно что один миг.

Он не утруждается даже взглянуть на меня.

— Вы сегодня один? — спрашиваю я, бросая взгляд на пустой стул напротив него. Утренний наплыв посетителей уже идет на спад, и, к счастью для красавчика, сейчас у меня на обслуживании еще только один столик помимо того, за которым он сидит.

Он ничего не отвечает, но, быть может, он меня просто не услышал?

— Кофе? — задаю я следующий очевидный вопрос. Я имею в виду, если кафе называется «Брентвудский блинчик и кофе», это название

говорит само за себя. Все приходят сюда за кофе и блинчиками размером с тарелку, и считается тягчайшим преступлением заказать что-либо другое.

Перевернув свою кружку, до этого стоявшую на блюде кверху дном, он придвигает ее ко мне, и я начинаю наливать кофе. Когда кружка наполняется на три четверти, он машет рукой, останавливая меня. Секунду спустя он добавляет две порции сливок и половину пакетика сахара. Движения у него размеренные, скупые. Целеустремленные.

— Мэм, в этом действительно нет ничего интересного, — произносит он тихонько, размешивая сахар и позвякивая ложкой о фарфоровые бока чашки.

— Прошу прощения?

— Вы стоите здесь и смотрите, — поясняет он. Еще два раза звякает ложкой об ободок и кладет ее на блюде, потом устремляет в мою сторону напряженный взгляд янтарных глаз. — Разве другой столик не требует вашего внимания?

Цвет глаз у него теплый, как мед, но их взгляд — пронзительный и холодный. Безжалостный.

— Вы правы. Требуется. — Я откашливаюсь, переключаясь на обычный рабочий лад. Если я и задержалась у этого столика, то ненаме-

ренно, и этому наглецу («я такой сексуальный и знаю это») не следовало указывать мне на это. Осуждать меня за легкую рассеянность. — Я подойду за вашим заказом через минуту, хорошо?

С этими словами я оставляю его наедине с его меню, его кофе, его дурным настроением и его задумчивым взглядом... и широкими плечами... и полными губами... и возвращаюсь к работе, остановившись у столика номер четыре, чтобы узнать, не нужно ли налить мистеру и миссис Карнавалес еще бескофеинового кофе по-домашнему.

Закончив с ними, я делаю вдох, чтобы успокоиться, и направляюсь обратно к придурку-брюнету, заставляя себя улыбнуться.

— Готовы сделать заказ? — спрашиваю я, доставая из-за уха ручку, а из кармана ярко-зеленого фартука — блокнот.

Он складывает меню и протягивает мне, несмотря на то, что руки у меня заняты, но я ухитряюсь сунуть меню под мышку, ничего не уронив.

— Два блинчика, — говорит он. — Омлет. Пшеничный тост. Сливочное масло. Не маргарин.

— Мне очень жаль. — Я указываю на табличку над кассой, которая крупными буквами гласит: «ОДИН БЛИНЧИК НА ПОСЕТИТЕЛЯ — НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ».

Он прищуривается, читая это, и лицо у него становится каменным.

— Итак, один блинчик, омлет и пшеничный тост со сливочным маслом, — повторяю я его заказ.

— Что за дурацкое правило? — Он смотрит на часы, как будто куда-то может опоздать.

Или как будто у него нет времени на правило, которое, как я согласна, совершенно дурацкое.

— Эти блинчики — огромные. Обещаю, одного вам будет более чем достаточно. — Я пытаюсь разрядить ситуацию, прежде чем она выйдет из-под контроля, потому что, когда приходится привлекать к делу начальство, получается всегда нехорошо. Владельцы кафе относятся к своим правилам очень строго, а менеджер дневной смены — еще строже. Она с радостью уведомит любого недовольного покупателя, что в названии «Брентвудский блинчик и кофе» слово «блинчик» недаром стоит в единственном числе, а не во множественном.

Я часто видела, как из-за этой дурацкой политики посетители уходят отсюда и больше не возвращаются и оставляют о нас плохие отзывы везде, где только можно, но почему-то это, похоже, не оказывает плохого влияния на наш бизнес. Каждое утро по выходным очередь тех, кто жаждет поесть у нас, неизменно

тянется от дверей на полквартиры — а иногда такое случается и в будни. Эти блинчики, надо сказать, действительно вкусные и более чем оправдывают свою репутацию, но это дурацкое правило — всего лишь хитрый маркетинговый ход, предназначенный для того, чтобы снизить требования.

— А что, если я по-прежнему буду голоден? — спрашивает он. — Могу я заказать второй?

Вздвогнув, я качаю головой.

— Вы, наверное, издеваетесь. — Он садится немного прямее и сжимает зубы. — Это все-го-то какой-тодохлый блинчик, мать его!

— Не просто какой-то блинчик, — отвечаю я с заученной улыбкой. — Это брентвудский блинчик.

— Вы пытаетесь любезничать со мной, мэм? — спрашивает он, перенося внимание на меня. Однако он не флиртует со мной. Его ноздри слегка раздуваются, и я не могу отогнать навязчивую мысль о том, как сексуально он выглядит, когда сердится. И это несмотря на то, что мне отнюдь не нравится сама мысль о том, чтобы оказаться в постели с таким наглецом.

Он, конечно, горячий парень, но я не люблю подонков. Все просто и незатейливо.

Чтобы переспать с ним, мне пришлось бы напиток. То есть по-настоящему напиток,

без дураков. И отчаянно хотеть секса. И даже тогда... не знаю. Похоже, он в большой претензии ко всему миру, и никакая сексуальность не смогла бы отвлечь меня от этого.

— Давайте, я передам ваш заказ, хорошо? — спрашиваю я с улыбкой настолько припугнутой, что щеки у меня болят. Говорят, что хорошее настроение заразно, но я начинаю подозревать, что у этого типа иммунитет.

— Только если это будет полный заказ, мэм, — возражает он и резко выдыхает, сжав губы в тонкую линию. Не знаю, почему он все время называет меня «мэм», хотя я явно младше него. Черт, да еще три года назад у меня не было законного права покупать спиртное.

Я не «мэм».

— Повар не станет готовить вам два, — извиняющимся тоном говорю я, потом прикусываю нижнюю губу. Если я изображу слабость и беспомощность, может быть, он немного сдаст назад? Это действует. Иногда.

— Это для моей спутницы. — Он указывает на пустое сиденье напротив себя. Другая его рука сжимается в кулак, и я не могу не отметить, что его часы показывают время по двадцати-четырёхчасовой системе — как принято в армии. — Так получилось, что она подойдет позже.

— Мы не обслуживаем посетителей, которые не присутствуют здесь физически, — отве-

чаю я. Еще одно строгое правило нашего кафе. Слишком много клиентов за годы нашей работы пытались воспользоваться этой лазейкой, поэтому ее пришлось закрыть. Но ее не просто закрыли, а задраили все люки, установив на кухне огромный монитор наблюдения, защищенный закаленным стеклом. Администрация даже обязала поваров сверяться с картинкой на экране, прежде чем начать готовить заказ, — просто чтобы убедиться, что никто не нарушает правила.

Мужчина запускает пальцы в свои темные волосы, которые, как я теперь понимаю, подстрижены «согласно уставу».

Военный. Держу пари, он военный.

Должен быть военным. Стрижка, часы. Бранные словечки, странно сочетающиеся с постоянным «мэм». Он напоминает мне моего кузена Эли, который десять лет служил в армии США, и если в остальном он тоже похож на Эли, то не успокоится насчет своего заказа.

Выдохнув, я осторожно кладу ладонь ему на плечо, несмотря на то, что мы не должны по каким бы то ни было причинам прикасаться к посетителям; но этот парень ужасно напряжен, и его мускулистое плечо просто умоляет о мягком прикосновении.

— Просто... подыграйте мне, ладно? — прошу я. — Я посмотрю, что тут можно сделать.

Этот человек служит нашей стране. Он сражается за нашу свободу. Несмотря на тот факт, что он, несомненно, изрядный наглец, он заслуживает хотя бы второго блинчика.

Мне нужно проявить творческий подход.

Вернувшись на кухню, я передаю его заказ и еще раз проверяю, не нужно ли чего-либо чете Карнавалес. Когда я направляюсь, чтобы заново наполнить кофейник, я прохожу мимо стола, за которым сидит толпа визжащих детишек. Один из них только что скинул огромный блинчик со своей тарелки прямо на пол, к вящему испугу своей матери, которая громко ахает.

Наклонившись, я поднимаю липкий круг теста с пола и кладу обратно на тарелку.

— Вам принести с кухни замену? — спрашиваю я. Им повезло. Это единственный случай, когда предусмотрено исключение из правил, и в доказательство я должна предоставить грязный блинчик.

Ребенок визжит, и я едва слышу, что пытается сказать его мать. Окинув взглядом стол, я вижу пять мелких безобразников, все в возрасте не более восьми лет. Все они одеты в наряды от «Burbary», «Gucci» и «Dior». У матери накачаные ботоксом губы, на указательном пальце правой руки сверкает кольцо с огромным камнем; отец сидит, уткнувшись носом в телефон.

Но я им не судья.

В Лос-Анджелесе не так-то много хороших заведений, дружелюбно настроенных к детям, и вряд ли «Mr. Chow» или «The Ivy» примут этот шумный выводок с распростертыми объятиями. Я даже полагаю, что там нет специальных высоких кресел для детей.

— Не хочу блинчик! — кричит в лицо матери старший из этих загорелых беловолосых гремлинов, и ее безупречно-спокойное лицо идет алыми пятнами, почти в тон ее дорогой сумке «Биркин».

— Просто... унесите это, — смущенно говорит она, прикладывая ладонь к гладкому ботоксному лбу.

Кивнув, я уношу блинчик обратно на кухню, но по пути останавливаюсь в раздаточной, беру стопку льняных салфеток и прячу под ними тарелку. Как только мой военный клиент доест свой первый блинчик, я прибегу на кухню и заявлю, что этот самый блинчик случайно упал на пол.

— Заказ готов! — кричит из окошка один из поваров, и я направляюсь туда, чтобы забрать завтрак для солдата — только что приготовленный, горячий. Вероятно, я случайно переместила его заказ в самое начало очереди, когда никто не видел, потому что не хочу выслушивать от этого типа жалобы на то, что он ждет завтрака слишком долго.